

О соотношении разных видов поместной документации конца XVI – XVII в.: на материалах Водской пятины Новгородской земли**

Комплексы писцовых описаний России, в частности ее северо-запада, вводятся в научный оборот более 150 лет. Каждое новое поколение исследователей выходит на новый научный уровень, представляя качественно новый тип изучения этих памятников. Так, в 1970–1980-е гг. под руководством А. Л. Шapiro в Ленинградском государственном университете был выполнен, говоря современным языком, масштабный исследовательский проект, для своего времени бывший прорывом в изучении поземельного кадастра Северо-Запада Московского государства. В четырех томах «Аграрной истории Северо-Запада России» были аккумулированы статистические сведения по истории новгородской (частично также псковской и северной) деревни XV–XVI вв., проведен анализ сопоставимости разных типов поземельной документации. Работа ленинградских историков-аграрников получила заслуженную оценку в тогдашней советской и зарубежной историографии. Приходится констатировать, что позднее ученые лишь эпизодически обращались к статистическим данным, содержащимся в этих источниках. Вместе с тем с конца 1990-х гг. велась активная работа по выявлению всего комплекса писцовых и дозорных книг Русского Севера, Северо-Запада, некоторых других районов¹; была произведена масштабная публикация значительной части писцовых и дозорных описаний. При этом публиационная деятельность несколько опаздывала по отношению к раз-

* Селин Адриан Александрович – доктор исторических наук (Санкт-Петербургский филиал Научно-исследовательского университета – Высшая школа экономики).

** Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11–01–00 199 «Новгородские дозорные и обыскные книги 1611–1616 гг.: комментированное издание».

витию современных информационных систем; не существовало и единых принципов организации публикации; многие публикации писцовых и дозорных описаний осуществлялись региональными исследовательскими центрами и музеями, что делало издания малодоступными. Эти проблемы так же, как и отсутствие параллельного «бумажным» версиям электронного издания писцовых и дозорных книг, многократно обсуждались на регулярно созываемых конференциях по изучению и изданию писцовых книг и других массовых источников XVI–XIX вв. в Архангельске, Санкт-Петербурге, Москве, Петрозаводске, Каргополе в 2002–2011 гг., однако какого-то прорыва не произошло. Сегодня изучение писцовых и дозорных книг идет преимущественно по направлению феноменологизации информации, извлечения не статистических, а культурно-исторических данных и т. п.

Водская пятна Новгородской земли — специфический регион московского Северо-Запада. Его пограничный характер и в связи с этим приближенность к театрам военных действий в годы Ливонской войны и последующих за ней конфликтов конца XVI в. и Смутного времени обусловили особенности сохранности комплекса поземельных документов, относящихся к этому региону.

Первые три кадастра Водской пятини, комплексы которых сравнительно хорошо сохранились, относятся примерно к 1500, 1539/1540 и 1566/1567–1568/1669 гг. Эти материалы частично опубликованы и относительно давно введены в научный оборот. Ниже речь пойдет о последующих поземельных описаниях, менее изученных.

Особым типом регулярной документации поместных приказных учреждений являются дозорные книги, составлявшиеся между писцовыми описаниями в случаях серьезного изменения платежеспособности населения. Всеобъемлющий кризис в Московском государстве, распространявшийся на Северо-Запад в начале 1570-х гг. привел к появлению серьезного несоответствия между имевшейся приказной документацией и численностью и платежными возможностями наличного населения. После 1570 г. начались масштабные дозоры новгородских пятин.

Дозорные книги этого времени были составлены следующим образом. В погост или пригород приезжали дозорщики — сын боярский и подьячий (иногда — один дозорщик). Документ начинался с даты проведения дозора, далее приводилась ссылка на документ, инициировавший дозор («по государеву указу и по наказу

боярина и воеводы» и т. п.), затем обозначалась местность (погост, волость, пригород), куда отправлялся дозорщик, и перечислялись имена понятых. В тексте дозорных книг перечислялись имена присяжных понятых и вид присяги (священник свидетельствовал «по священству», игумены и иеромонахи — «по черной ризе», светские присяжные — крестьяне, реже помещики — «по крестному целованию»). Взяв в понятые священника (священников) и старожильцев, дозорщики допрашивали их по полученному в Новгороде от воеводы (наместника) и дьяков наказу (пересказывался наказ). Как правило, в наказе была сформулирована задача: «дозрить» число жилых и пустых дворов в той или иной административной единице на момент совершения дозора. После наказа следовал собственно текст книги, который предваряла формула «и тому (т. е. наказу. — А. С.) книги». Дозорные книги писал церковный (реже земский) дьячок погоста или пригорода. Составленные дозорные книги отправлялись в Новгород, о чем ставилась помета на первом листе дозорных книг. В годы политического кризиса начала XVII в., сопровождавшегося серьезными демографическими изменениями, такие описания проводились всеми властями, как только для этого представлялась возможность.

Особое место в комплексе документов Поместного приказа занимают иные материалы не регулярного, но казуального делопроизводства — обыскные, отдельные, отписные книги и сопутствующие ему документы. Более того, составление подобной документации было необходимым этапом, предшествовавшим появлению регулярных поземельных описаний; однако в конце XVI — начале XVII в. такие описания не всегда составлялись; зачастую для ведения дел по перераспределению недвижимых имуществ и наложению фискальных сборов напрямую использовалась подобная казуальная документация.

Сегодня сложно оценить весь объем этого комплекса документов, хранящихся преимущественно в фонде 1209 (Поместный приказ) Российского государственного архива древних актов. Составленные в Новгородской земле отдельные, обыскные и отписные книги отправлялись из Новгорода в Поместный приказ в Москве, а в 1610–1616 гг. они оставались в новгородском Поместном приказе. В отличие от писцовых и дозорных книг, бывших регулярными описаниями определенной территории (пятины, половины пятины, определенной категории земель, к примеру дворцовых сел) комиссией из служилых людей и подьячих, обыскные,

отдельные и отписные книги составлялись при решении конкретных вопросов о поместном владении, в рамках дела о поместье. После принятия решения о поместной даче (в Москве, а в годы Смуты — в Новгороде) губной староста или неслуживый сын боярский (реже подьячий, недельщик, губной целовальник) получал в пятине отдельную грамоту. После этого он должен был взять в понятые священнослужителя и окрестных крестьян, выехать на место отделяемого поместья, проверить верность показаний соискателя поместья², провести обыск, отделить искомое поместье и составить отдельные книги. Если по приговору поместье делилось между несколькими соискателями, то отельщик должен был разделить поместье согласно четвертной норме, указанной в отдельной грамоте и приговоре, причем соотношение жилых и пустых четвертей в частях поместья должно было быть пропорционально номинальному размеру поместной дачи. Именно этот вопрос чаще всего вызывал взаимные претензии соискателей поместий после раздела. Неравный раздел «пустого» и «жилого» после подачи соискателями соответствующей челобитной приводил к указу о переделе поместья. Если размер делимого поместья был выше, чем номинальные размеры поместных дач соискателей, содержащиеся в приговоре и поместной грамоте, то остаток поместья отписывался на государя — составлялись специальные отписные книги.

Впервые на существование этого комплекса документов обратил внимание Д. Я. Самоквасов. Им же были опубликованы достаточно большие фрагменты сборников таких книг из собрания Московского архива Министерства юстиции. Впрочем, публикация Д. Я. Самоквасова³, которая до сих пор часто используется исследователями, была совершена выборочно, так как целью публикации было проиллюстрировать мысли ученого о специфике поместного делопроизводства.

Ценность этого типа источников подчеркнули Т. И. Осьминский, В. М. Романовский и А. Л. Шапиро в работе 1976 г. и Г. А. Победимова в 1981 г.⁴ В недавней работе М. Ю. Зенченко высказаны плодотворные предположения о формировании комплекса сборников бывшего Вотчинного архива и указано на исключительную ценность этих источников, но главное — поставлен вопрос о необходимости полного описания всего комплекса документов, насчитывающего несколько тысяч книг, объемом в среднем от 1000 до 2000 листов⁵. Обыскные книги, входящие в опись З фонда 1209 РГАДА, в которых упоминаются оклады новгородских служилых

людей, дают возможность реконструировать более ранние десяти-ни и служилые списки.

В отличие от регулярных описаний пятин, в этих источниках содержится значительно больше биографических сведений: о составе семей помещиков и их судьбах, об отдельщике. Скрепы священников и подписи дьячков, имена других лиц, участвовавших в составлении и удостоверении книг, также представляют большой интерес. Иногда при описании поместной дачи подробно описывается усадище — большой двор, где жил прежний помещик и где предстояло жить следующему помещику. Впрочем, не стоит переоценивать достоверность этих источников. В ряде случаев можно утверждать, что отдельщики не выезжали на местность, а составляли книги, прежде всего отдельные, на губном стане. Не все территории Новгородской земли всегда были в равной степени безопасны и доступны. Иногда в тексте отдельных книг времен Ливонской войны и Смуты содержатся прямые указания на то, что отдельщик не поехал на место, потому что там находятся «литовские люди» («воровские люди» и проч.)⁶.

Содержание отдельной (обыскной, отписной) книги начиналось с преамбулы, где пересказывалось содержание отдельной грамоты — наказа отдельщику: по чьему указу, по чьему наказу, по выписи из писцовых книг за приписью каких дьяков осуществлялся обыск/отдел, какому служилому человеку из чьего поместья отделялась новая дача. Далее перечислялись имена понятых. В случае обыска пересказывалась речь понятых, в случае отдела констатировалось, что отдел той или иной дачи осуществлялся при таких-то понятых. Писцами отдельных, обыскных и отписных книг чаще всего выступали местные церковные дьячки, несколько реже — земские дьячки соответствующей половины пятини. Подлинные обыскные, отдельные и отписные книги на месте скреплялись по нижнему полю священниками, а также, как правило, отдельщиками и отсылались в Новгород, где их скреплял по правому полю дьяк Поместного приказа. Чаще всего в момент подачи отдельных книг в Новгороде на них ставилась помета о том, когда они поступили, и иногда о том, кто подал их в Поместный приказ. В дальнейшем обыскные, отдельные и отписные книги сплетались в тома по пятинам и годам составления и использовались подьячими Поместного приказа для написания справок при возбуждении новых дел о поместьях. Это было, вероятно, трудоемкой работой, с чем, впрочем, опытные подьячие легко справлялись. В архиве

Новгородской приказной избы сохранилось несколько сотен отдельных и обыскных книг. Большая их часть сплетена в сборники по пятинам и годам обысков и отделов. Некоторое число представляет собой непереплетенные тетради. Огромное большинство этих документов относится к 1611/1612–1613/1614 гг., когда велась и значительная часть поместных дел. Отличие обысков, отделов и отписок поместных дач в рассматриваемый период от тех, что проводились в предшествующие годы, невелико. Заключается оно в первую очередь в том, что подлинные книги посылались в 1610–1616 гг. не в Поместный приказ в Москве, а в новгородское учреждение с тем же названием. Разумеется, отличалась и преамбула книг: со второй половины весны 1611 г. книги составлялись не по указу царствующего государя, а по указу «Московского государства бояр», а со второй половины июля 1611 г. — по указу «Новгородского государства бояр и воевод».

Подчас отдельщики поступали недобросовестно. Если отделяемое поместье находилось в двух отдаленных частях Новгородской земли, далеко не всегда можно утверждать, что отдельщик побывал в обеих частях. Поясню примером.

После Ливонской войны в 1584 г. в поместную раздачу поступило несколько дворцовых волостей: Хрепельская дворцовая волость в Хрепельском погосте, Бельская волость и волость Василия Онаньина в Будковском погосте (все три находились в Водской пятине), а также Прибужская волость Шелонской пятине, неподалеку от Гдова. Часть помещиков, владельцев этих волостей, к 1614 г. умерла, часть «отъехала» из Новгорода, и на их поместья в обеих пятинах появились претенденты.

Так, в декабре (или чуть ранее) 1612 г. скончался сын боярский Водской пятини Афанасий Васильев сын Неелов, владевший поместьями в Будковском и Прибужском погостах. Бояре и воеводы приговорили дать отцовское поместье сыну Афанасия Неелова, Василию. Грамоту на отдел поместья в Прибужском и Будковском погостах Василию Афанасьеву сыну Неелову получил неслуживый сын боярский Постник Петряшев (скорее всего сосед Неелова по поместью)⁷. В качестве понятого был призван иеромонах Троицкого Верхутина монастыря, расположенного в Будковском погосте, Исаия. 20 декабря 1612 г. был начат и завершен отдел поместья В. А. Неелову; однако несомненно, что в тот же день П. Петряшев не мог успеть съездить в Прибужский погост, находившийся почти в 200 верстах от Будкова. Для отдела поме-

стя он явно воспользовался сведениями, вписанными в отдельную грамоту подьячими Поместного приказа в Новгороде⁸.

Однако редкие случаи недобросовестности посланных для от-дела детей боярских и подьячих не умаляют ценности отдельных и обыскных книг как источника. Сопоставление наказа отдельщи-ку/обыщику с текстом отдела/обыска всегда позволяет сказать, осуществлялась ли процедура с выездом на место или проводилась на губном стане⁹. Несовпадающая с наказом информация — вот, собственно, наиболее ценное содержание этого рода источников.

Писцовая книга 1582/1583 г. письма Самсона Дмитриева и Елизария Григорьевича Старого и подьячего Семейки Киселева сохранилась в подлиннике¹⁰ и нескольких списках XVI–XVIII вв. Впервые эта писцовая книга была обнаружена и даже частично опубликована¹¹ К. А. Неволиным; в 1970-е гг. она была иссле-дована Ю. Г. Алексеевым. В писцовой книге 1582 г. содержатся описания поместных, земецких, владычных, монастырских, части дворцовых земель, кроме того, к этому времени выделилась новая категория владений — земли «за помещики немецких городов»¹². В описаниях деревень Климентовского Тесовского и Спасского на Оредеже погостов указывается на приписку некоторых из них к дворцовой Тесовской волости, а при описании селений Григо-рьевского Кречневского, Никольского Пидебского и Петровского на Волхове погостов — о приписке некоторых из них к дворцо-вой волости Королево. Писцовая книга 1582 г. содержит описа-ние только части Водской пятини. Писцы не смогли совершил работы в ряде погостов из-за того, что те были заняты «немецки-ми людьми». Не были составлены описания для Успенского Горо-денского, Федоровского Песоцкого и Егорьевского Теребужского погостов, города Ладоги; лишь частично был описан Ильинский Тигодский погост; не вошли в книгу описания Копорского, Ям-ского, Ореховского и Корельского уездов. Конец подлинной ру-кописи дополнен несколькими поместными делами, вершенными писцом Е. Старым. Примечательно, что все они относятся к пого-стам Ореховского уезда, тем, в которые писцы не смогли проехать из-за войны.

Стоит отдельно остановиться на некоторой характерной ин-формации, содержащейся в этой книге. Это прежде всего указа-ния на время запустения деревень и смерти прежних помещиков, данные о местонахождении помещиков, отсутствовавших в день проведения описания (плен, боевые действия, уход в другие об-

ласти государства). Кроме того, в писцовой книге (как и в некоторых других писцовых книгах 1580-х гг.) присутствуют отсылки к «окладному списку», в котором содержались указания на размер поместного оклада того или иного помещика и с которым сверялись писцы при описании земельных владений, отмечая баланс оклада (по списку) и реальной земельной дачи, а также те случаи, когда имя помещика в окладном списке отсутствовало.

Такой окладной список, несомненно, был составлен на основе какой-то не дошедшей до нас десятни Новгорода¹³. В тексте одного из упомянутых поместных дел, вершенных писцом Е. Старым, содержится указание на верстание одного из соискателей поместья, кн. И. Д. Мещерского, боярином кн. Ф. М. Трубецким¹⁴, однако в перечне верстаний, составленных М. Г. Кротовым, нет упоминания о верстании этим боярином новгородских пятин¹⁵.

К этой книге примыкает близкая ей по формуляру писцовая книга дворцовых волостей Водской пятини 1584 г., составленная Е. Г. Старым и кн. В. А. Звенигородским¹⁶. В ней полностью описаны дворцовые волости Тесово и Королево. Эта книга впервые была использована Б. Д. Грековым в монографии о Новгородском Софийском доме¹⁷. Полный текст книги не выявлен; мне известен лишь ее список XVII в., составленный при передаче упомянутых волостей в Софийский дом¹⁸. В своем обзоре новгородских писцовых книг ее упоминает К. В. Баранов¹⁹.

После Плюсского перемирия со Швецией шла подготовка к составлению писцовой книги для оставшихся под контролем Московского государства территорий. Для этого губными старостами Третьяком Савиным и Богданом Жолтухиным были проведены обыски Спасского Городенского, Ижерского, Куйвошского, Келтушского, Корбосельского, Ярвосольского, Дудоровского и Тигодского погостов²⁰. Насколько мне известно, по материалам обыска была составлена писцовая книга только для «царевой и великого князя волости, что была за Ореховскими наместниками в Водской пятине в Корельской половине в погостах Спасском Городенском, Воздвиженском Корбосельском, Ивановском Куйвошской, Ильинском Келтушском»²¹.

В архиве Новгородской приказной избы 1611–1617 гг., хранящемся ныне в Государственном архиве Швеции, мне удалось обнаружить пять отрывков из писцовой книги 1595/1596 г. письма Алексея Третьякова и Кузьмы Безобразова (все относятся к Копорскому уезду), составленной после окончания боевых дей-

ствий со Швецией для тех погостов, которые не были описаны в 1582/1583 г.²²

Еще один вид документации поместных учреждений — платежные книги. На рубеже XVI–XVII вв. они составлялись для взимания регулярных или чрезвычайных платежей с поместных земель. Эти книги — результат работы губных старост в своих округах над взиманием платежей с поместных (реже — церковных и монастырских) земель. Перед началом работы губным старостам выдавалась роспись поместий по погостам на основе существовавших писцовых или дозорных книг. Пользуясь этими росписями, губные старосты осуществляли сбор денег, фиксируя в платежных книгах уплаченные или не уплаченные суммы. В большинстве случаев, если владелец поместья к моменту сбора денег менялся, в книгах отмечался новый владелец.

Самыми ранними из известных мне платежных книг являются составленные около 1585/1586 г., то есть через три года после валового описания 1581/1582–1582/1583 гг. В них упомянуты представители старшего поколения новгородцев, живших и действовавших в годы Смуты. Сохранились платежные книги денег, собиравшихся в 1601/1602 и 1607/1608 гг. с поместий служилых людей на прогоны ямским охотникам, а с поместий вдов и недорослей — на стрелецких лошадей²³. Однако считать, что упомянутые в этих книгах помещики жили и активно действовали в момент их составления, не приходится. В ряде случаев губные старосты не отмечали в платежных книгах, что у поместья появился новый владелец, а писали имя того владельца, который был указан в их росписи. Тогда в качестве владельца поместья мог быть упомянут давно умерший человек. Так, в платежной книге Корельской половины Водской пятини 1607 г. в качестве владельца поместья в Хрепельском погосте упомянут Яков Кобылин²⁴. Известно, что Яков Кобылин скончался уже около 1593 г., оставив бездетной жену Анну²⁵. Более того, его вдова Анна, дочь Андрея Тушина и сестра Петра Андреева сына Тушина сама скончалась в 1599/1600 г. и ее прожиточное поместье отшло тогда же к З. И. Долгово-Сабурову²⁶. Можно быть также уверенным в том, что в качестве приправочной книги для платежниц 1606/1607 г. использовались платежницы 1601/1602 г. Об этом свидетельствуют совпадающее в обеих книгах, чье составление разделено несколькими годами, указание на прежнего владельцы как на недавнего. Так, в Водской пятине к весне 1602 г. прежним поместьем Федора Косицкого вла-

дели Никита Григорьев сын Назимов и Иван Картмазов²⁷. Согласно платежной книге Водской пятины 1607 г. Никите Григорьеву Назимову и Ивану Картмазову недавно было отделено поместье Федора Косицкого²⁸.

Однако не стоит преуменьшать значения платежных книг как источника. К примеру, в книгах 1607/1608 г., фрагментами опубликованных Д. Я. Самоквасовым, содержатся упоминания о службе некоторых детей боярских под Тулой (скорее меньшинства из них). Важнейшая информация платежных книг для данного исследования заключается именно в пометах губных старост о некоторых дополнительных обстоятельствах службы новгородцев, а не в перечне владельцев, взятых при составлении платежниц в других источниках.

Особым комплексом документов Смутного времени является фонд Новгородской приказной избы 1611–1617 гг., хранящийся преимущественно в Государственном архиве Швеции. Материалы регулярного делопроизводства, ведшегося в московских традициях в условиях военно-политического контроля шведских властей над частью Новгородской земли, представляют собой компактный комплекс документов, важной частью которого являются дозорные и обыскные книги. Отдельным и малоизученным остается вопрос о взаимовлиянии московской и шведской кадастровой традиции. Шведские манタルные описания территорий, имевших неясный юридический статус (временно занятых и т. п.). сохранились как для 1580-х гг., так и для 1611–1618 гг.²⁹ Но эти документы пока не изучены.

В фонде Новгородской приказной избы сохранилось 42 дозорных и обыскных описания новгородских пятин и дворцовых сел 1611–1616 гг. Лучше всего представлены материалы Водской и Шелонской пятин, а также Старорусского уезда, входившего в состав последней, но подчиненного непосредственно Новгородскому дворцу.

Не сохранилось никаких указаний на дозорное или какое-то иное описание Новгорода и других (за исключением Старой Руссы) городов и посадов Новгородской земли в 1611–1616 гг. Возможно, они и не проводились. Возможно, в связи с существованием там своего рода самообложения, которое фиксирует, к примеру, в Порхове обыскная книга 1612 г.: «Порховской никольской поп Иван Григорьев сказал по священству... в Порхове, господине, у нас на посаде земля исстари выпускная оброчная. И с тое мы зем-

ли платили оброк годовой, а тягla мы не тянули с сохами опрочь ямского строенья, а тянем мы тягло с рядками вместе, а не с сохами»³⁰. В Новгороде до 1615 г. деньги собирались по раскладке пятиконецких старост; позднее — путем чрезвычайного обложения наиболее зажиточных новгородцев, не присягнувших Густаву Адольфу.

К началу XVII в. относятся дозорные книги, составленные для некоторых районов Водской пятины в 1612 и 1620-х гг. Дозорные книги 1612 г. составлялись во времена шведского военного присутствия в Новгородской земле новгородскими дозорщиками по формуляру, схожему с писцовыми книгами конца XVI в. Сохранилось четыре дозорные книги Водской пятины, описывающие ее территорию в 1612 и 1615 гг. Дозорная книга Водской пятины Полужской половины 1612 г. описывала владычные, монастырские и поместные земли 15 погостов Водской пятины. Ее составляли Иван Сергеевич Мельницкий, Федор Никитич Неклюдов и подьячий Матвей Помещиков³¹. Приправочным письмом для книги послужил не дошедший до нас дозор Богдана Ногтева, вероятно, составленный в конце XVI в. В 1612 г. Михаилом Аничковым «с товарищи» была составлена дозорная книга Корельской половины Водской пятины³², приправочным письмом к которой служил несохранившийся дозор Дмитрия Нефниева и подьячего Ивана Лазарева. Позднее, в августе 1615 г. был составлен новый дозор Водской пятины, где Полусскую половину дозирали Иван Григорьевич Баранов и подьячий Семен Шустов³³, а Корельскую половину — князь Иван Семенович Путятин и подьячий Федор Прокофьев³⁴. Формуляр всех четырех дозорных книг в целом одинаков, в дозорах 1615 г. приправочным письмом служил дозор 1612 г. Существует также несколько дозорных книг отдельных монастырских вотчин Водской пятины, составленных в то же время³⁵. Полагаю, что дворцовые волости Ладожского уезда Силосари и Победище также дозирались в эти годы, однако их описаний не найдено.

Примечательно, что вотчинные писцовые книги, составлявшиеся крупными землевладельцами в 1611–1617 гг., неизвестны³⁶. Дозоры софийских и монастырских вотчин в 1611–1617 гг. проводились только государственными ведомствами. Так, по инициативе дворцового ведомства были дважды проведены описания софийских и монастырских владений.

В 1620 г. после ухода шведов из Новгородского и Ладожского уездов писцом Я. И. Зайцевым и подьячим Иваном Лазоревым было проведено дозорное описание пятины, от которого сохранилось лишь описание дворцовых волостей Тесовской и Силосари³⁷. В этих дозорных книгах были подробно описаны порозжие и живущие земли в дворцовых волостях, а также зафиксирована прописка к дворцовым волостям новых земель.

Писцовые книги поместных земель Водской пятины, составленные в 1623 г., сохранились очень плохо³⁸. Для дворцовых волостей Новгородского уезда (Тесово и Королево) сохранилась писцовая книга Федора Маврина 1629 г., фиксирующая как пустые, так и живущие земли уже на стадии возрождения поселенческой системы³⁹. Впервые эта книга была использована Б. Д. Грековым для реконструкции границ Тесовской волости⁴⁰.

В 1634 г. был также составлен дозор части Водской пятины (погостов Дмитриевского Городенского, Никольского Передольского, Сабельского, Успенского Хрепельского, Вдицкого (бывш. Гдицкого), Ильинского на Волхове, Теребужского, Пречистенского Городенского, Федоровского Песоцкого, Солецкого, Андреевского Грузинского, Успенского Коломенского, Антоновского, Петровского на Волхове и Переездовского)⁴¹.

Писцовые и дозорные книги 1620–1630-х гг. были фактически последним опытом земельного кадастра для описанного района Новгородской земли. Им на смену в 1646 г. пришли переписные книги — подворные описания населения. Судьба описанных источников была разной. Писцовые книги 1620-х гг. сохранили свое юридическое значение до XVIII в.; что интересно для территории Водской пятины — они сравнительно редко использовались в судебной практике. В то же время писцовые книги 1580-х гг. активно использовались в делопроизводстве как государственном, так и в вотчинном. Поэтому и те и другие сохранились во множестве списков и особенно выписей. Дозорные описания 1610-х гг. после 1617 г. были перемещены в Швецию и оказались востребованы уже только историками в конце XIX в. Массив же обыскных, отдельных, отписных, платежных книг, подшитый архивистами XVII–XVIII вв., еще не одно десятилетие будет исследоваться историками.

Примечания

¹ Каталог писцовых книг Российского государства. Вып. 1. Писцовые книги Русского Севера. М., 2000; Вып. 2. Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004; Вып. 3. Писцовые книги Восточного Замосковья. М., 2007.

² На деле верность показаний проверялась лишь в спорных случаях. Как правило, в реальном делопроизводстве этот этап пропускался.

³ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 1. М., 1905. Т. 2. 1908.

⁴ Осьминский Т. И., Романовский В. М., Шапиро А. Л. Новгородские обыскные книги второй половины XVI в. // ВИД. Т. 7. Л., 1976; Победимова Г. А. Обыскная книга 1573 г. Деревской пятине // ВИД. Т. 12. 1981. С. 47–60.

⁵ Зенченко М. Ю. Сборники писцовых документов в фондах РГАДА: проблемы изучения // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв. Архангельск, 2002. С. 127–133.

⁶ Отписка Михаила Неелова об отделе поместья Андрею Трусову в Водской пятине в Будковском погосте. 1614. 10.02 // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod (далее — RA, NOA). Serie 2:311.

⁷ Им в 1612 г. был сын Постника, Федор Петряшев (Дозорная книга Полужской половины Водской пятини дозора Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подъячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // RA, NOA. Serie 1:16. С. 90).

⁸ Обыск неслуживым сыном боярским Водской пятини Постником Петряшевым поместья Афанасия Васильева сына Неелова в Будковском погосте Водской пятини и в Прибужской волости. 1612. 20.12 // RA, NOA. Serie 1:69. С. 1–5 (копия без пагинации: Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — СПБИИ), м/ф. 320).

⁹ Полагаю, это было понятно и новгородским дьякам начала XVII в., в частности Андрею Лысцову, скрепившему вышеупомянутые отдельные книги Постника Петряшева.

¹⁰ Подлинная писцовая книга Водской пятини письма и дозора С. Дмитриева, Е. Старого и подъячего С. Киселева. 1582 // Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1209. Д. 958. Списки с нее: там же. Д. 301, 719.

¹¹ Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских XVI века // Записки РГО. 1853. Т. 8. Приложение II. С. 55–63.

¹² Об этом подробнее: Аракчеев В. А. Утраченный указ 1582 г. об испомещении «детей боярских немецких городов» и его реализация // Феодальная Россия. Новые исследования. СПб., 1993. С. 38–42.

¹³ Подробнее о десятнях новгородских пятин XVI в.: Кротов М. Г. Десятни XVI – начала XVII в. как исторический источник. Дипломная работа. М., МГУ, 1982. Доступна по адресу: http://krotov.info/yakov/5_hist/desyatni/dipl1.html

¹⁴ Подлинная писцовая книга Водской пятины письма и дозора С. Дмитриева, Е. Старого и подьячего С. Киселева. 1582 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 958. Л. 505.

¹⁵ Кротов М. Г. Десятни... Нет об этом сведений и в биографической статье о кн. Ф. М. Трубецком в «Славянской энциклопедии» (Славянская энциклопедия. Киевская Русь. Московия. Т. 2. М., 2001. С. 527–528).

¹⁶ Выпись из писцовой дворцовой книги Водской пятины письма и меры кн. В. А. Звенигородского и Е. Старого с товарищи. 1584 // СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 65. Л. 105–178.

¹⁷ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии. СПб., 1914. Ч. 1.

¹⁸ Выпись из писцовой дворцовой книги Водской пятины письма и меры кн. В. А. Звенигородского и Е. Старого с товарищи. 1584 // СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 65. Л. 105–178.

¹⁹ Баранов К. В. Предисловие // Писцовые книги Новгородской земли. СПб., 1999. Т. 2. С. IX.

²⁰ Обыскные книги Ижерского погоста (без начала). 1585 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16936. Л. 223–241; Обыскные книги губных старост Водской пятины Корельской половины Третьяка Савина и Богдана Желтухина в Спасском Городенском погосте о пустых поместьях в погосте. 1585. 29.05 // Там же. Л. 242–253 об.; Обыск губных старост Третьяка Савина и Богдана Желтухина о пустых поместьях во Введенском Дудоровском погосте. 1585. 10.06 // Там же. Л. 254–262; Обыск губных старост Третьяка Савина и Богдана Желтухина о пустых поместьях в Никольском Ярвосольском погосте. 1585. 7.07 // Там же. Л. 263а–273 об.; Обыск губных старост Третьяка Савина и Богдана Желтухина о пустых поместьях в Ильинском Келтушском погосте. 1585. 6.05 // Там же. Л. 274–288; Обыск губных старост Третьяка Савина и Богдана Желтухина о пустых поместьях в Ивановском Куйвошском погосте. 1585. 1.05 // Там же. Л. 289–312; Обыск губных старост Третьяка Савина и Богдана Желтухина о пустых поместьях в Воззвиженском Корбосельском погосте. 1585. 8.05 // Там же. Л. 313а–329 об.; Обыск губных старост Третьяка Савина и Богдана Желтухина о пустых поместьях в Ильинском Тигодском погосте. 1585. 3.07 // Там же. Л. 330–341.

²¹ Писцовые книги царевой и великого князя волости, что была за Ореховскими наместниками в Водской пятине в Корельской половине в погостах Спасском Городенском, Воззвиженском Корбосельском, Ивановском Куйвошкой, Ильинском Келтушском письма и меры Ивана Иванова сына Баскакова и подьячего Ивана Галактионова. 1585, августа // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16936. Л. 214–222 об.

²² Видимо, к 1610 г. в Новгороде сохранялась только платежница с этой книги. Ср.: «А которые деревни и пустоши в тех поместьях в том в Кипенском погосте имянно не написано сколко в которой деревне и в пустоши обеж и четвертные пашни и всяких угодей по тем писцовым книгам Алексея Третьякова, потому что подлинные книги того писца в Москве»: Дело по челобитной Никиты Зиновьева о даче ему на оброк пустоши Охона в Кипенском погосте. 1615, апр. // RA, NOA. Serie 2: 317. Л. 7. Все отрывки опубликованы мной: Писцовая книга части Водской пятины письма Алексея Третьякова и Кузьмы Осиповича Безобразова. 1595/96 // Селин А. А. Историческая гео-

графия Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб., 2003. С. 491–492.

²³ Мне неясно, зачем стрельцам лошади, но платеж именовался именно так.

²⁴ Платежные книги денег на прогоны ямским охотникам Водской пятины Полужской половины губных старост Ивана Пушкина и Михаила Неелова. 1607, августа // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16 662. Л. 84 об.

²⁵ Обыск губного старосты Селиверста Зиновьева в Успенском Хрепельском погосте о крестьянах, живших в поместье Якова Кобылина, по челобитным Ивана Самарина и Ульяны, вдовы Михаила Краснолепова. 1598. 24.10 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16 960. Л. 44–47.

²⁶ Дело по челобитной о поместье Водской пятины Дмитрия Мисюрева сына Бестужева. 1614, апрель // RA, NOA. Serie 2:54.

²⁷ Книга сбора денег на охотничью прогону с поместий и вотчин, присудных и оброчных денег с сох и с рядка Клеток в Ижерском погосте, поральских денег наместника дохода с Водосской волости и денег за стрелецких лошадей с поместий вдов и недорослей Водской пятины Корельской половины губного старосты Бориса Вельяшева. 1602, апреля до 21 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16 964. Л. 47 об.

²⁸ Платежные книги денег ямским охотникам на прогоны, оброчных с рыбных ловель, пищальных и присудных денег Водской пятины Корельской половины сбора губных старост Кузьмы Бровцына да Матвея Кушелева 1607/08 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 16 662. Л. 205 об.

²⁹ Подробнее: Селин А. А. Балтийские писцовые книги — часть Каммарархива в Государственном архиве Швеции // Скандинавские чтения 2004 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2006. С. 437–449.

³⁰ Обыскные книги Шелонской пятины Зарусской половины дозора Якова (Вильяна) Федоровича Березина, Алексея Агафоновича Одинцова и подьячего Семена Шустова. 1612 // RA, NOA. Serie 1:28. С. 148.

³¹ Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // RA, NOA. Serie 1:16. Список: RA, NOA. Serie 1:28. С. 407 и далее (копия без пагинации хранится в СПБИИ, м/ф 321). Описаны владычная Полянская волость, погосты: Климентовский Тесовский, Спасский на Оредеже, Никольский Будковский, Дмитриевский Городенский, Успенский Хрепельский, Успенский Сабельский, Никольский Передольский, Косицкий Новгородского уезда; Никольский Суйдовский, Никольский Грязенский, Никольский Озерецкий, Спасский Орлинский, Егорьевский Вздылицкий, Дмитриевский Кипенский, Богородицкий Дяглинский погосты Копорского уезда.

³² Дозорная книга Корельской половины Водской пятины дозора М. З. Аничкова с товарищами (без начала). 1612 // RA, NOA. Serie 1:39 (копия без пагинации: СПБИИ, м/ф. 349). Описаны погосты: Андреевский Грузинский (Керестская и Водосская волости), Солецкий, Успенский Городенский, Федоровский Песоцкий, Егорьевский Теребужский, Егорьевский Лопский, Введенский Дудоровский, Ижерский, Ярвосольский и Кривинская волость.

³³ Дозорные книги Полужской половины Водской пятины дозора Ивана Баранова, Михаила Неелова и подьячего Семейки Шустова. 1615 // RA, NOA. Serie 1:6. Описаны погосты: Климентовский Тесовский, Никольский Будковский, Дмитреевский Городенский, Никольский Передольский, Спасский на Оредеже, Косицкий, Сабельский, Успенский Хрепельский, Никольский Суйдецкий, Дягиленский, Дмитреевский Кипенский, Егорьевский Вздылицкий, Никольский Озерецкий.

³⁴ Дозорные книги Водской пятины Корельской половины дозора кн. Ивана Семеновича Путятина и подьячего Федора Прокофьева. 1615, август // RA, NOA. Serie 1:8. Описаны погосты: Андреевский Грузинский (Крестская и Водосская волости), Солецкий, Ильинский Тигодский, Кривинская волость, погосты: Лусский, Ивановский Переездовский, Петровский на Волхове, Антоньевский и Коломенский.

³⁵ Дозорные книги митрополичьих и монастырских волостей в Кречневском, Пидебском, Коломенском на Волхове, Грузинском и Ивановском Переездовском погостах и в Заверяжье Водской пятины дозора Якова Караулова и подьячего Одинца Иванова. 1611, сентябрь // RA, NOA. Serie 1:67 (копия без пагинации: СПБИИ, м/ф. 317).

³⁶ Полагаю, такие книги могли бы быть составлены как для Софийских вотчин (впрочем, к 1613 г. значительная часть вотчин оказалась недоступна Новгородскому Софийскому дому, так как находилась в Обонежской пятине), так и для крупных владений, например, для принадлежавшего кн. И. Н. Большому Одоевскому Славитинского погоста.

³⁷ Список с писцовой книги дворцовых сел, деревень и пустошей Водской пятины письма и дозора Я. И. Зайцева и подьячего И. Лазарева. 1620 г. // РГАДА. Ф. 1209. Д. 749.

³⁸ Список с писцовой книги поместных дворов Водской пятины Корельской и Полужской половин письма и сыску губного старосты М. Неелова. 1623, дек. // РГАДА. Ф. 1209. Д. 968. Л. 387–400.

³⁹ Выпись из писцовых книг письма и меры Ф. Маврина да подьячего А. Коломского за приписью дьяка Ф. Арцыбашева. 1629 // СПБИИ, кол. 2, оп.1, Д. 65. Л. 178 об.– 329 об. Список этой же книги в РГАДА: Список с писцовой книги дворцовых земель Водской пятины в Григорьевском Кречневском погосте письма и меры Ф. Маврина и подьячего А. Коломского. 1629 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 758.

⁴⁰ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии... С. 245–246; Приложение. С. 50–51.

⁴¹ Подлинная дозорная книга поместных и вотчинных дворов и людей Водской пятины Обонежской половины письма и дозора Константина Кучецкого и подьячего Ивана Темирева // РГАДА. Ф. 1209. Д. 968. Л. 504–521.